

«Госпиталь танков». Лев НИКУЛИН

Через всю страну, от Волги к Уралу, движутся бесчисленные железнодорожные грузовые составы.

Бывалые, выдавшие виды вагоны, цистерны, платформы, следы пулеметного обстрела, пробитые осколками крыши... Они везли снаряды, оружие с востока на запад и теперь возвращаются в тыл порожняком, чтобы снова вернуться на фронт. На одной из платформ возвышается закоптелый, почти черный корпус танка. Огромный, с пробоиной на башне, с вмятинами от разрывов снарядов, он все еще грозен и страшен. Изуродованное дуло орудия, казалось, все еще готово открыть огонь. Но внутри машины пусто и темно. Снаряды ударили с близкого расстояния, орудия били почти в упор и потому не выдержала броневая сталь.

Пересекая страну, танк движется с запада на восток. Проходят дни. Мощный трактор приводит танк на буксире в цех большого завода на Урале. Бригадир Кудрявцев поднимается на танк и долго разглядывает пробоину.

- Так, - говорит он тихо, - боевая была машина. И ребята тоже, видать, были боевые.

От этого слова "были" у людей, стоявших вокруг, защемило сердце.

- Ну что ж... Давайте лечить.

На закоптелой стали написали мелом номер, многотонный кран пополз и выжидательно остановился над корпусом подбитого танка.

Прошел месяц. В цех, наполненный лязгом и грохотом моторов, вошел старший сержант в комбинезоне и шлеме танкиста. Он шел по широкому проходу между двух рядов боевых машин. То, что он видел, радовало его. Он широко улыбался, как добрым знакомым, рабочим и танкистам, которых было немало в этом цехе.

Четвертая с края машина чуть выдвинулась вперед. Мотор затих, и водитель, высунув голову в люк, закричал:

- Ну, скоро ли там?

- Сейчас, оформляем, - сказал бригадир. Он ждал разрешения на выпуск танка из цеха.

Сержант-танкист остановился. Несколько мгновений он рассматривал едва заметные вмятины на броневой стали.

- А ну, разрешите взглянуть? - сказал он бригадиру и, получив разрешение, поднялся по лесенке на машину.

Несколько мгновений он стоял в раздумье, внимательно оглядывая башню танка.

- Вижу, что машина из ремонта, бывалая боевая машина. И похоже, что моя.

- Почему похоже? - спросил бригадир.

- Есть одна знакомая отметина... Нет, наверное, не

моя, - наконец решил танкист. - От моей одна коробка осталась.

- Да и от этой одна коробка осталась, - улыбаясь, сказал мастер, - вы бы на нее поглядели, когда мы ее на лечение приняли.

- Подбили мою машину в августе на Дону, — вспоминал танкист, - наделали мы немцам хлопот, три танка разбили, пять орудий в кашу смяли и разогнались прямо на блиндаж.

А тут он с близкой дистанции термитным снарядом как даст... Угодил прямо в мотор. Левин, водитель, так на месте и остался. Хороший парень был, студент ленинградский. .. А второй снаряд убил командира танка Федотова.

И загорелась наша машина. Видишь?

Он снял шлем и показал на затылок. На бритой голове танкиста был красноватый след большого ожога.

- Кончилась наша машина. Вышли мы с радистом из танка, фашисты нас из автоматов поливают, однако у нас гранаты были - отбились... Поблизости овраг был, мы прямо под откос и сползли. А на рассвете пришла подмога - вытащили нашу машину и отвели в тыл. А Левина и Федотова похоронили мы в стационарном саду, под тополем. ..

- А вы что же здесь, в отпуску?

- Да нет же... За новыми машинами прибыли. Завтра в ночь уходим.

Они спустились вниз, уступая место экипажу танка, и, отойдя в сторону, смотрели, как пришли в движение гусеницы, как боевой бывалый танк легко сдвинулся с места и, сделав искусный поворот, двинулся к широко открытым воротам цеха.

В неудержимом порыве сержант вдруг протянул руку и сказал, сжимая зубы:

- Покажи им, дай им за Левина, за Федотова, дай им жару, милый!

.. На танке, упираясь ногами в сталь, стоял бригадир. Он думал о том, что четверо суток его бригада не выходила из цеха, чтобы иметь право написать на броне вновь рожденного танка слова: "Слава сталинградцам!" Он вспомнил день, когда перед ним стоял искалеченный остов той самой машины, которая сейчас пойдет в бой и будет громить, жечь, испепелять врага, и сердце его наполнилось счастливой гордостью!

2 октября 1942 года